

УДК 94 (47+57) «1920»
ББК 63.3(2) 613 2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРУДА НА КОНЦЕССИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В СССР ¹

Булатов Владимир Викторович

Доктор исторических наук, доцент кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
vbulatov@rambler.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Юдина Таисия Васильевна

Доктор исторических наук, профессор,
проректор Волгоградского государственного университета
uvrprorector@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Иностранные концессионеры не всегда безоговорочно принимали требования о подчинении нормам советского трудового права, однако сама правовая форма концессии позволяла порой советской стороне идти на определенные компромиссы. Анализ показал, что соотношение численности советских и иностранных граждан на предприятиях концессионеров было разным в зависимости от отрасли и месторасположения концессии. Отличительной особенностью концессионных предприятий был довольно высокий процент рабочих с высшим и средним образованием, принадлежавших, как правило, к категории так называемых «бывших людей» (бывших дворян, священников, офицеров, купцов и т. д.). Размер заработной платы на концессионных предприятиях обычно был выше, чем на однородных государственных предприятиях.

Ключевые слова: Кодекс законов о труде, концессии, нэп, рабочие и служащие концессионных предприятий, «бывшие люди», заработная плата.

Одним из самых актуальных и спорных вопросов концессионных договоров, заключавшихся в СССР в 1920-е гг., оставался «рабочий вопрос». Концессионные договоры регламентировали условия труда, порядок найма и увольнения рабочих и служащих. Концессионер во всех трудовых вопросах обязан был подчиняться требованиям советского Кодекса законов о труде и действовать согласно условиям коллективных договоров с соответствующими профессиональными союзами. Положения Кодекса должны были распространяться на всех работников концессионного предприятия, независимо от их гражданства или подданства [4, с. 741].

Однако на деле порой возникали серьезные противоречия, поскольку требование о подчинении концессионера советскому трудовому праву не всегда принималось иностранцами безоговорочно. По сути, трения между сторонами концессионного соглашения по этому вопросу возникли с самого старта советской концессионной практики. Так, 21 июля 1921 г. Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) утвердил первую в советской истории концессию. Она была сдана датскому «Большому северному телеграфному обществу» (БСТО) с целью восстановления и обслуживания телеграфных линий, связывавших Советскую Россию с внешним миром.

Само «Большое северное телеграфное общество» (GN Store Nord A/S) уже в марте 1920 г. было готово подписать концессионный договор с советским правительством [10, с. 59]. То есть оно было готово к заключению договора не просто в период существования в Советской России режима «военного коммунизма», но и в условиях отсутствия на тот момент в РСФСР соответствующей правовой базы, поскольку Декрет «Об общих юридических и экономических условиях концессий» был принят лишь несколько месяцев спустя – 23 ноября 1920 года.

Несмотря на готовность датской и советской сторон, переговоры о концессии затянулись. Одним из камней преткновения в проекте договора стал пункт, говоривший о распространении на рабочих и сотрудников датского общества действия всех декретов советского правительства о трудовых отношениях и охране труда. Соискатели концессии с этим не соглашались. Дело стало принимать нежелательный для РСФСР оборот после того, как руководство БСТО пригрозило, что телеграфное сообщение между Россией и Европой не будет восстановлено, если его возражения не будут учтены. С целью разрешить противоречия, в дело был вынужден вмешаться сам Глава советского правительства В. И. Ленин [10, с. 61].

Для большевиков сложилась чрезвычайно запутанная ситуация. С одной стороны, исключение «трудового пункта» из текста договора означало бы нарушение советским правительством самих принципов молодого пролетарского государства в деле защиты прав трудящихся. С другой же стороны, датчане в обмен на нарушение этого принципа предложили советскому правительству наладить свободную телеграфную связь со всем миром, причем связь технически совершенную и не зависящую от какого-либо вмешательства со стороны третьих стран.

Очевидно, непосредственное вмешательство Ленина возымело эффект. 30 марта 1921 г. заседание Малого Совнаркома четырьмя голосами против двух решило уступить датчанам в «трудовом вопросе». Советская сторона не стала настаивать на распространении советских законов о труде на иностранных работников БСТО. Так принцип был на-

рушен. В итоге появилась новая редакция концессионного договора, явившаяся, по сути, компромиссом. По новым условиям декреты советского правительства о трудовых отношениях и охране труда распространялись только на телеграфистов, являвшихся советскими гражданами. На телеграфистов-граждан Дании нормы советского трудового права не распространялись [10, с. 64–65].

Против норм советского трудового законодательства часто выступали японские концессионеры и соискатели. Так, в 1925 г. японский концессионер Ш. Шимада заявлял о трудности реализации требований советской стороны в отношении труда иностранных и советских рабочих на японских угольных концессиях на Северном Сахалине. Со своей стороны, уполномоченный Народного комиссариата по иностранным делам СССР (НКВД СССР) на Северном Сахалине В. Аболтин усматривал в этом стремление японцев закрепить за собой ряд льгот, неприемлемых для советской стороны. Он сослался на то, что в заключенном между СССР и Японией 20 января 1925 г. Пекинском соглашении какие-либо намеки на согласие Советского Союза предоставить такие льготы отсутствовали. Тем не менее сотрудник Наркоминдела не исключал некую возможность их допустимости в будущем [9, с. 29–30].

Интересно, что порой против «трудового пункта» могли выступать не только японские предприниматели, но и японские профсоюзы. Так, начавшиеся в 1925 г. переговоры в Москве по поводу заключения новой советско-японской конвенции оказались прерванными на два с лишним года. Причиной неудачи московских переговоров стал протест Союза предпринимателей и рабочих морской промышленности «Суйсан Рооси Сооренмей» против советского предложения о применении советского Кодекса законов о труде к японским рабочим, занятым в рыбном хозяйстве советского Дальнего Востока [3, с. 346].

Переговоры возобновились лишь в 1928 г., при подписании новой рыболовной конвенции. И опять здесь не обошлось без компромисса. В соответствии с договоренностью, условия труда, социального страхования, порядка найма и увольнения рабочих и служащих на рыболовных концессиях японцев оп-

ределялись советским Кодексом законов о труде и другими действующими в Советском Союзе нормами трудового права. Однако в соответствующих случаях могли быть применены и положения рыболовной конвенции. Также японским концессионерам предписывалось ежегодно принимать на работу советских студентов, практикантов и стажеров на одинаковых основаниях с государственными предприятиями, действующими на началах коммерческого расчета. Однако, как пояснял Главный концессионный комитет при СНК СССР, эту рекомендацию иностранный работодатель фактически мог игнорировать [3, с. 347].

За протестами иностранных концессионеров чаще всего скрывались экономические интересы. Их не устраивали «завышенные», по их мнению, требования советских органов власти и профсоюзов. Они опасались, что исполнение ими норм советского трудового законодательства в отношении заработной платы, социальных выплат, соблюдения мер по охране труда и финансирования социальной инфраструктуры вызовет повышение себестоимости их продукции, сделав ее менее конкурентоспособной.

Однако советская сторона порой шла на компромисс, и обязательность неукоснительного соблюдения норм советского трудового законодательства отступала в силу соображений политической и экономической целесообразности. Но это как раз и иллюстрирует яркую специфику самой правовой формы концессии как договора между государством и частным предпринимателем, позволяющего, в случае необходимости, обходить и существующие законы и поступаться, казалось бы, незыблемыми принципами.

Все же надо иметь в виду, что подобного рода «маневры» вокруг советского трудового права могли затронуть в СССР относительно небольшой контингент трудящихся, поскольку на концессионных предприятиях в СССР было занято не так много рабочих и служащих. Общее количество рабочих и служащих концессий в СССР никогда не превышало 0,7 % от общей численности трудящихся в стране [9, с. 88].

Например, если на 1 октября 1925 г. по всей стране насчитывалось около 7 млн рабочих [9, с. 92], то на концессионных пред-

приятиях в сфере производства в 1926/27 хозяйственном году работало чуть больше 26 тыс. рабочих и служащих. А это было время расцвета концессионной практики в СССР. Уже в следующем 1927/28 г. их количество уменьшилось до 21,5 тысяч. Отмеченное сокращение было следствием ликвидации американской горнопромышленной концессии Гарримана, где трудилось около 3 тыс. рабочих. Помимо этого, и крупнейшая англо-американская концессия «Лена Гольдфильдс», перейдя на старательские работы, сократила часть своих рабочих. В тот же период в области лесной промышленности была ликвидирована крупная советско-норвежская концессия «Русснорвеголес» [4, с. 484–485].

Впрочем, с осени 1928 г., в связи с заключением концессионных договоров с японскими рыбопромышленниками, общее количество концессионных рабочих должно было вырасти приблизительно на 20–25 тыс. человек за счет дальневосточных промыслов японцев.

Здесь необходимо иметь в виду одно обстоятельство. Удельный вес работников концессий в разных регионах страны и в разных отраслях был различным. Например, по всей горной промышленности СССР удельный вес концессионных рабочих в определенный период времени составлял 3 %. В то же время удельный вес рабочих-горняков, трудившихся на концессионных предприятиях этой отрасли на Дальнем Востоке, равнялся 18 %, на Урале – 35 %, в Сибири – 30 %, а в Грузии – 60 % [7, с. 30].

Важной проблемой концессионных отношений была проблема процентного соотношения на концессиях советских и иностранных работников. Все концессионные договоры фиксировали за концессионерами право приглашать рабочих и служащих из-за границы. При этом почти все договоры указывали, что концессионер мог приглашать только квалифицированных рабочих и служащих. Количество иностранцев обычно определялось в размере 10–20 % (часто 15 %) от каждой категории квалифицированных работников. Концессионер сам определял, в каком объеме воспользоваться предоставленным ему правом [4, с. 486].

Существовали отраслевые особенности. Например, концессии в горнодобывающей промышленности и концессии в обрабатывающей промышленности отличались по процентному показателю привлеченных иностранных работников. Например, в 1927/28 хозяйственном году средний процент иностранцев среди рабочих и служащих составлял:

а) на всех горнодобывающих концессиях в СССР – 19,4 %,

б) на всех концессиях обрабатывающей промышленности в СССР – 2,8 % [4, с. 486].

Но вновь давали о себе знать региональные особенности. Общим правилом было то, что чем восточнее располагалось концессионное предприятие, тем выше был процент привлекаемой иностранной рабочей силы. Например, значительно выше был процент иностранцев на горных концессиях Дальнего Востока. Японским концессионерам в этой отрасли было официально разрешено иметь до 50 % иностранных рабочих [4, с. 486].

На английской горной концессии «Тегюхе», также располагавшейся на Дальнем Востоке, количество иностранных рабочих в соответствии с договором могло достигать до 45 %. Фактически же в 1927/28 г. этот процент колебался от 50 до 60 %. Такое положение объяснялось как нехваткой в регионе советских рабочих, так и тем, что концессионер предпочитал работать с «нетребовательными» китайскими и корейскими рабочими [4, с. 487].

Высокий процент иностранных рабочих и служащих был особенностью и японских горных концессий на Северном Сахалине. Так, в 1927/28 г. среди 1 093 рабочих и служащих угольной концессии «Кита Карафутто Коогии Кабусики Кайша» удельный вес иностранцев составлял 39,9 %, а среди 1 484 рабочих и служащих нефтяной концессии «Кита Карафутто Секию Кабусики Кайша» соответствующий показатель выражался уже в 56,5 % [4, с. 443].

Снова надо отметить, что здесь имеются в виду иностранцы не только японцы, но и китайцы и корейцы. Столь масштабное привлечение рабочей силы на советском Дальнем Востоке в первую очередь объясняется острой нехваткой советской рабочей силы в регионе и ее переизбытком в сопредельных с СССР государствах. Важно и другое. Квали-

фикация и качество имевшейся советской рабочей силы оставляли желать лучшего.

Вербовкой занимались советские органы труда, которым концессионеры подавали заявки. В результате на угольной и нефтяной концессиях японцев на Северном Сахалине оказались лица с уголовным прошлым, алкоголики, хулиганы, а около 15–20 % набранных рабочих до этого вообще никогда не работали [9, с. 104]. В своем отчете Дальневосточная концессионная комиссия при Далькрайисполкоме откровенно называла такого рода рабочих «сбродом», которых Владивосток умышленно стремился выслать на Северный Сахалин [5].

Интересно, что японская рабочая сила на Дальнем Востоке привлекалась не только на предприятия концессионеров. Ее услугами пользовались и советские государственные предприятия региона. По данным японской газеты «Хакодате-симбун» от 7 июля 1929 г., японская рабочая сила привлекалась на советские рыболовные промыслы (7,4 тыс. человек), советские лесные промыслы (40 чел.), советские краболовы (1,1 тыс. человек) [3, с. 348].

Что же касается иностранных служащих и членов администраций, то на концессионных предприятиях всех отраслей их удельный вес официально мог достигать до 50 %, при этом столь высокий процент мог быть ниже, так как многих специалистов можно было найти и в СССР. Но зачастую привлечь советских специалистов к работе на административных должностях было почти невозможно, поскольку профсоюзы на концессиях исключали советских членов администраций из своих рядов [9, с. 334].

Главный концессионный комитет при СНК СССР сам признал, что «наиболее квалифицированные сотрудники, занимающие посты с административными функциями, а потому и лишённые права состоять членами профсоюза, нередко отказываются работать у концессионера, так как исключение из профсоюза считается равносильным “волчьему паспорту”» [4, с. 247].

В начале 1930 г. западная пресса так прокомментировала создавшееся положение: «Чтобы иметь все права гражданина СССР, нужно иметь профсоюзную книжку. Существо-

ет правило, что руководящие служащие концессий не могут быть членами профсоюза. Немного найдется знающих и высококвалифицированных специалистов, которые даже за высокое жалование согласятся отказаться от профсоюзной книжки и, таким образом, в известной степени подвергнуться социальной деградации. К этому еще присоединяется страх. В широких кругах населения установился взгляд, что всякая работа в интересах иностранца, как бы она ни была легальна и открыта, рано или поздно закончится арестом и ссылкой» (цит. по: [1, с. 38]).

Существовали сведения об исключении из профсоюзов не только членов администраций, но и рабочих [1, с. 38]. Это соответствовало политике ЦК ВКП(б), который требовал проявлять «максимальную осторожность при приеме в профсоюз новых рабочих на концессиях и изгнание из профсоюзов элементов, ничего общего с рабочими не имеющих и подрывающих своим поведением классовую солидарность рабочих» (цит. по: [9, с. 334]).

О каких «элементах» могла идти речь? Коллективные договоры концессионера с профсоюзами содержали условие приема рабочих через биржу труда. Они, как правило, были членами профсоюзов. Однако допускалось и право концессионера принимать определенное количество рабочих и служащих самостоятельно. Среди них членами профсоюзов были далеко не все. Процент привлекаемых непосредственно концессионером работников мог колебаться в пределах от 15 до 50 %. Самый высокий процент наблюдался на концессиях «Лена Гольдфильдс», СКФ, «Гаммер», «Тифенбахер Кнопфабрик». Концессионные органы констатировали «сравнительно сильную засоренность состава рабочих... и наличие среди работающих лиц, не имеющих ничего общего по социальному происхождению с рабочими» [4, с. 485].

Для концессий начала нэпа особенно характерной была «засоренность». На концессионных предприятиях оказалось много так называемых «бывших людей», которые в условиях советской власти не могли получить работу, не будучи членами профсоюза. Речь идет о представителях бывшей буржуазии, дворянства, духовенства, купечества и офицерства. Их стремление устроиться в каче-

стве рабочих было продиктовано немаловажным мотивом получения привилегий того класса, который был объявлен в СССР господствующим.

В 1920-х гг. на некоторых концессионных предприятиях СССР насчитывалось 30–35 % рабочих с высшим образованием и 50–60 % со средним [1, с. 34]. В государственном хозяйстве они, в силу своего происхождения, оказались не нужны. Впрочем, такой высочайший для того времени образовательный уровень рабочего состава, по всей видимости, мог иметь место только на концессионных предприятиях, располагавшихся в Москве, Ленинграде или в особо крупных промышленных и культурных центрах европейской части СССР. Но даже на отдаленных золотых приисках Ленско-Витимского горного округа среди всего состава рабочих в 1926 г. можно было обнаружить 0,8 % рабочих, имевших высшее образование, и 8,0 % рабочих со средним образованием [9, с. 253].

Большая численность «бывших людей» была особенно характерна в начальный период проведения в СССР концессионной политики. Но и к концу 1920-х гг. они составляли немалый процент, о чем свидетельствуют данные по двум концессиям – германской «Целлугал» и шведской СКФ. Так, согласно данным по концессии «Целлугал» на 1 января 1929 г., социальное происхождение рабочих представлено следующим образом:

из рабочих – 38,2 %,
из служащих – 18,2 %,
из крестьян – 16,2 %,
из бывших торговцев – 16,0 %,
из детей торговцев – 8,0 %,
из детей священников – 1,6 %,
из дворян – 1,2 %,
из бывших полицейских – 0,4 % [4,

с. 485].

Данные по шведской концессии СКФ на 1 января 1929 г. также демонстрировали определенную «засоренность» состава рабочих:

из рабочих – 49,5 %,
из крестьян – 43,9 %,
из служащих – 2,3 %,
из детей торговцев, священников, дворян – 3,1 %,
из бывших офицеров – 1,2 % [4, с. 485].

Надо признать, что концессионные органы более или менее лояльно относились к фак-

ту работы на концессионных предприятиях «бывших людей», чего не скажешь о партийных органах. Те как раз стремились использовать данный факт для политического обвинения концессионеров. Например, в 1930 г. один из райкомов Северокавказского края обвинял германскую сельскохозяйственную концессию «Друзаг» в том, что она являлась «убежищем большого количества явно анти-советского, кулацкого элемента, бежавшего из разных концов СССР в попытках скрыться от Советской Власти» (цит. по: [3, с. 211]).

Это политическое обвинение создавало для концессии серьезные проблемы, так как оно в определенной мере иллюстрировало известный тезис И.В. Сталина об обострении классовой борьбы, когда «абсолютный рост капиталистических элементов все же происходит, и это дает им известную возможность накапливать силы для того, чтобы сопротивляться росту социализма» [6, с. 35].

Как правило, почти на всех концессионных предприятиях среднемесячная заработная плата была выше, чем на одноотраслевых государственных предприятиях. Так, в 1928 г., на пике советской концессионной практики, эта разница в зарплатах колебалась от 1 до 60 % и имела тенденцию к повышению [4, с. 490].

Для иллюстрации можно привести данные по среднемесячной заработной плате на некоторых однородных концессионных и государственных предприятиях за 1928 г.:

1) завод СКФ (концессионный) – 175 руб. 12 коп., завод им. Владимира Ильича (государственный) – 117 руб. 41 коп.;

2) фабрика «Гаммер» (концессионная) – 128 руб. 32 коп., фабрика им. К. Либкнехта (государственная) – 80 руб. 20 коп.;

3) хозяйство «Маньч» (концессионное) – 45 руб., хозяйство «Кубгоссельтреста» (государственное) – 44 руб.;

4) горнопромышленное предприятие «Тетюхе» (концессионное) – 77 руб. 70 коп., Сиданский рудник (государственный) – 65 руб. 49 копеек. [9, с. 194].

Здесь приводятся данные лишь по отдельным предприятиям, но тенденция была очевидной. Как видно из приведенных данных, самая высокая среднемесячная зара-

ботная плата по состоянию на 1928 г. приходилась на шведскую концессию СКФ («Шарикоподшипник»). В 1929 г. на СКФ среднемесячная заработная плата повысилась и составляла уже 186 руб., превысив на 80 % среднемесячную зарплату на однородных госпредприятиях. Лишь 14 % рабочих концессии получали от 80 до 200 рублей в месяц, а подавляющее большинство (86 %) – от 230 до 440 рублей (!) [8, с. 232].

Иностранные эксперты полагали, что советское государство стремилось к тому, чтобы разница между ставками на концессионных предприятиях и однородных госпредприятиях не была «настолько велика, чтобы существование концессий становилось в глазах рабочих пропагандой за капитализм и против коммунизма» (цит. по: [1, с. 34]). Вероятно, частично и по этой причине советские профсоюзы требовали от концессионеров производить крупные отчисления на «соцкультбыт» и жилищное строительство. В результате, по оценке западных экспертов, на промышленных концессионных предприятиях в СССР отчисления на социальные нужды составляли приблизительно 40 % от заработной платы [2, л. 17].

Высокая зарплата на концессионных предприятиях была обусловлена, прежде всего, их высокой рентабельностью, которая в свою очередь являлась следствием монопольного или почти монопольного положения концессионеров в производстве остродефицитной, а также ходовой экспортной продукции. В то же время немаловажную роль играло и то, что концессионные предприятия, как правило, отличались от государственных лучшей организацией производства, более высокой производительностью труда; они использовали в производстве более качественное сырье и были лучше оснащены оборудованием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ); проект № 13-01-00111 «Рабочие на концессионных предприятиях в Российской империи и СССР (1900–1940-е годы)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов, В. В. Концессионные отношения в СССР / В. В. Булатов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 226 с.

2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-8350. – Оп. 1. – Д. 659. (неопубликованный).

3. Загорюлько, М. М. Наркомземовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы / М. М. Загорюлько, В. В. Булатов. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2010. – 480 с.

4. Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы. – М. : Современ. экономика и право, 2005. – 856 с.

5. Осташев, А. Е. Остров Сахалин. Этапы становления угольной промышленности (1925–1944 гг.) / А. Е. Осташев // Уголь. – 2002. – № 11. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.rosugol.ru/jur_u/2002/11/ostashev.html. – Загл. с экрана.

6. Сталин, И. В. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) / И. В. Сталин // Сочинения. В 14 т. Т. 12. – М. : Госполитиздат, 1949. – С. 1–107.

7. Хромов, С. С. Иностранные концессии в СССР : истор. очерк. Документы. В 2 ч. Ч. I / С. С. Хромов. – М. : ИРИ РАН, 2006. – 385 с.

8. Хромов, С. С. Иностранные концессии в СССР : истор. очерк. Документы. В 2 ч. Ч. II / С. С. Хромов. – М. : ИРИ РАН, 2006. – 403 с.

9. Юдина, Т. В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа / Т. В. Юдина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ. – 444 с.

10. Якобсен, К. Большое северное телеграфное общество и Россия: 130 лет сотрудничества в свете большой политики / К. Якобсен // Отечественная история. – 2000. – № 5. – С. 58–68.

REFERENCES

1. Bulatov V.V. *Kontsessionnye otnosheniia v SSSR* [The concession relations in the USSR]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2011. 226 p.

2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archive of the Russian Federation]. F. R-8350, op. 1, d. 659, unpublished.

3. Zagorul'ko M.M., Bulatov V.V. *Narkomzemovskie kontsessii: sel'skoe khoziaistvo i vodnye promysly* [People's Commissariat of Agriculture concessions: agriculture and water hunting]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe Publ., 2010. 480 p.

4. *Inostrannye kontsessii v SSSR (1920–1930-e gg.): dokumenty i materialy* [Foreign concessions in the USSR (the 1920-1930th): documents and materials]. Moscow, *Sovremennaia ekonomika i pravo Publ.*, 2005. 856 p.

5. Ostashev A.E. *Ostrov Sakhalin. Etapy stanovleniia ugol'noi promyshlennosti (1925–1944 gg.)* [Sakhalin Island. Stages of formation of the coal industry (1925-1944)]. *Ugol'* [Coal], 2002, no. 11. Available at: http://www.rosugol.ru/jur_u/2002/11/ostashev.html.

6. Stalin I.V. *O pravom uklone v VKP(b). Rech' na plenumе CK i CKK VKP(b) v aprele 1929 g.* (Stenogramma) [About the right bias in All-Soviet Communist Party (Bolsheviks). Speech on Central Committee and Central Control Committee of All-Soviet Communist Party (Bolsheviks) plenum in April, 1929 (Shorthand report)]. *Sochineniia* [Stalin I. Compositions]. Moscow, 1949, vol. 12, pp. 1-107.

7. Khromov S.S. *Inostrannye kontsessii v SSSR: istor. ocherk. Dokumenty. Ch. I* [Foreign concessions in the USSR: Historical sketch. Documents. Part I]. Moscow, 2006. 385 p.

8. Khromov S.S. *Inostrannye koncessii v SSSR: Istoricheskij ocherk. Dokumenty. Ch. II* [Foreign concessions in the USSR: Historical sketch. Documents. Part II]. Moscow, 2006. 403 p.

9. Iudina T.V. *Sovetskie rabochie i sluzhashchie na kontsessionnykh predpriiatiakh SSSR v gody nepa* [Soviet workers and employees at the concession enterprises of the USSR in days of New Economic Policy]. Volgograd, Volgograd State University Publ. 444 p.

10. Iakobsen K. *Bol'shoe severnoe telegrafnoe obshchestvo i Rossiia: 130 let sotrudnichestva v svete bol'shoi politiki* [GN Store Nord A/S and Russia: 130 years of cooperation in the light of big-time politics]. *Otechestvennaia istoriia* [National History], 2000, no. 5, pp. 58-68.

TOPICAL ISSUES OF LABOR AT THE CONCESSION ENTERPRISES IN THE USSR

Bulatov Vladimir Viktorovich

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History,
Volgograd State University
vbulatov@rambler.ru
Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Yudina Taisiya Vasilyevna

Doctor of Sciences (History), Professor, Vice Rector of Volgograd State University
uvrprorector@volsu.ru
Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the 1920s in the USSR the total number of workers and employees at the concession enterprises did not exceed 0,7 % from the total number of ones in the country. Sometimes requirements about distribution of the Soviet labor law on all employees of the concession enterprise, irrespective of their nationality or citizenship, caused protests from foreign concessionaires. Economic interests often were behind those protests. Sometimes the Soviet partners made a compromise.

The problem of a percentage ratio of the Soviet and foreign workers on concessions was an important one. In contracts, the number of foreigners usually was defined as 1020 percentage (often 15 %) from each category of skilled workers. In the Far East of the USSR, the percent of attracted foreign labor was higher (4550 percentage of foreign workers and above). Specific weight of foreign employees at the concession enterprises officially could reach 50 %.

There were many so-called «the former people» at the concession enterprises (representatives of the former bourgeoisie, the nobility, clergy, merchants and officers). Because of their origin, they could not get job at the state enterprises. That is why in the 1920s at some concession enterprises of the USSR there were 30–35 % of workers with the higher education and 50–60 % with a secondary one. However, such high educational level of workers could take place only at the concession enterprises that were settling down in Moscow, Leningrad or in especially large industrial and cultural centers of the European part of the USSR.

As a rule, almost at all concessions the average monthly salaries were higher, than at the one-branch state enterprises. For example, at peak of the Soviet concession practice (in 1928), the difference in salaries fluctuated from one to 60 % and tended to increase.

Key words: The Labor Code, concession, the New Economic Policy, workers and employees of the concession enterprises, “the former people”, a salary.